

Иван-царевич и С. Волк. или  
В чужой монастырь со своим самоваром

КРИББЛЬ,  
КРАББЛЕ,  
КРУББЛЕ



СВЕТЛАНА БАГДЕРИНА

3



*Добыть златогривого коня? Легко! Но задачи, с которой не могло справиться целое войско, настоящим героям мало. Нужно заодно попытаться разбудить спящего красавца, усыпить принцессу, отремонтировать пряничную избушку, освободить город от гнета колдуна, а прекрасную незнакомку — от дракона, и всё это — имея на руках лишь говорящий ковер-самолет и многофункциональные экспериментальные сапоги-самогуды.*

*Но как же конь, спросите вы? А про коня-то они и забыли...*

*Из серии «Былины Белого Света».*

# Светлана Багдерина

## Криббль, Краббле, Круббле

*Скоро только сказка  
сказывается.*

**Лукоморский  
народ**

— ...Иван, ты дурак! — в который раз за долгий жаркий июньский день разнеслось по ясному небу.

В ответ раздавалось обиженное молчание.

— Она же была у тебя в руках! Ну какое тебе дело, кто что когда у них там отвоевал, украл, обменял и так далее! Тебе-то ее абсолютно добровольно давали! Как ты и хотел! А сейчас вместо того, чтобы с чувством глубокого удовлетворения лететь домой, тебя несет в какие-то Дарессалями!

— Шатт-Аль-Шейхи.

— Какая разница!

— Дарессалями находится на семьсот километров южнее, и климат там...

— Чево?

— Климат. Комбинация...

— Какая комбинация?! Ты чего, перегрелся?

— Но ты же сам спросил, какая разница между Дарессалями и Шатт-Аль-Шейхом, —

мстительно заметил царевич.

Серый отреагировал немедленно:

— Сам дурак.

Царевич привычно воздел очи к небу, простонал что-то нечленораздельное, но нашел в себе силы дискуссию продолжить.

— Сергей! Ну ведь он — мой друг!!! И пусть даже он сам отдавал мне ее, я не мог ее принять, не мог, ну как ты не поймешь!!! Это было бы... Неправильно. Нечестно по отношению к нему. Я ни за что получал всё, а он оставался без птицы, без коня и в осажденном городе без надежды прогнать шантоньцев! Это...

— Это — здравый смысл.

Иван вздохнул.

— Ну хорошо. Попробуем с другой стороны. Послушай, Сергей, я не понимаю, почему ты — бродяга, авантюрист и бретер...

— Сам такой, — на всякий случай осторожно отозвался Волк.

— ...почему Ты жалуешься, что мы летим не домой, а вперед, навстречу новым приключениям, королевствам, славе, жизни, полной восторга и неизвестности! Отчего ты не хочешь вдохнуть полной грудью хмельной воздух свободы и счастья? Я не знаю, как ты, сорви-голова и рубаха-парень, можешь...

Сергий вдохнул. Вернее, вздохнул. Он-то

знал. Он знал, почему, отчего и как он может. Просто не хотел говорить. Чтобы не обидеть. Чего не сделаешь для друга. И поэтому, хоть и считал в глубине души, что он еще слишком молод, чтобы быть нянькой-телохранителем так долго, пусть даже и для такого чуда, как Иванушка, вслух он только вздохнул. Обреченно.

— Ну и... Ну и ладно. Вперед, так вперед.

Вечерело. Ковер, по-стариковски задремавший на солнцепеке, встрепенулся, пошевелил затекшими кистями и спросил:

— Садиться куда будем?

Серый свесил голову вниз:

— Без разницы. Ну давай хоть туда, — и он ткнул пальцем в опушку проплывающего под ними леса.

— Куда ведь скажете... — пробормотал ковер и начал снижение.

— Смотри, смотри!!!

Волк едва успел ухватить исчезающие за бортом ноги Иванушки и втянуть их и всё остальное обратно. Причем всё остальное этого даже не заметило.

— Смотри! Смотри, Сергей!!! Там человек!!! Он ранен!!! Ковер, туда, к нему!!! Скорее!

— То туда, то сюда... Сами не знают, чего хотят... — проворчалो их воздушное судно, но, тем

не менее, послушалось и мягко приземлилось среди кленов около неподвижно истекающего кровью незнакомца.

— Сергей, гляди... Он весь в крови... Похоже, его изодрали дикие звери... Что нам делать?

— Перелететь, пока не поздно, на другое место, где нет диких зверей, — Волк в который раз подивился несообразительности друга.

— Что нам с НИМ делать?

Разбойник задумчиво почесал подбородок.

— Прирезать, чтоб не мучился?

— Как ты можешь!!!..

— С сожалением, — нехотя признался Серый.

— СЕРГИЙ!!!

— Ну или попробуй его для начала привести в себя и умыть. Может, всё не так страшно. Я как раз тут неподалеку видел один ручеек...

Разбуженный и умытый раненый оказался принцем Соланы Орландо, который и поведал друзьям удивительную историю, похожую на сказку.

На первый день рождения единственной и долгожданной дочери короля Крисаны — страны, в которой они сейчас находились — были приглашены двенадцать добрых фей. Каждая из них приготовила волшебный подарок-пожелание для

малышки — красоту, грацию, умение станцевать любой танец и спеть любую песню в мире, играть на всех музыкальных инструментах, вышивать крестиком, и прочие навыки, жизненно-важные для любой принцессы. А еще, по исполнении шестнадцати лет, ей было обещано, что самый прекрасный принц в округе влюбится в нее. И все бы было гладко, но откуда ни возьмись, появилась тринадцатая фея — злодейка с сердцем черным, как уголь, и предрекла, что принцесса в день своего шестнадцатилетия уколет палец веретеном и заснет вечным сном. Но бедная девушка была спасена оставшимся пожеланием последней доброй феи, обещающим ее пробуждение от поцелуя доблестного принца. В положенный срок скорбное пророчество сбылось — принцесса заснула, весь замок погрузился в беспробудную дрему вместе с нею, а покой несладким сном уснувших крисанцев стали охранять непроходимые дебри самых колючих трав, кустарников и деревьев, какие только бывают на Белом Свете.<sup>1</sup>

И вот, не вынеся нечеловеческих страданий, презрев увещевания всех, кто любил его, Орландо

---

<sup>1</sup> Ученые-ботаники из соседних стран немало пополнили свои гербарии, не уставая благословлять добрую фею. Конечно, только те, которые возвращались из этих джунглей.

решил бросить на весы удачи всё, включая свою опостылевшую без любимой жизнь, и с огнем и мечом отправиться в эти мерзкие джунгли.

Ему удалось пробиться вглубь метров на пятнадцать. Потом чудовищный лес, словно опомнившись, набросился на него и стал терзать шипами и колючками сталь доспехов как беззащитную плоть. До последнего прорываясь только вперед, принц споткнулся обо что-то и упал... После этого Орландо ничего вспомнить не сумел. И как оказался он здесь, в тени и прохладе настоящего мирного леса, живой — объяснить не мог.

А принц действительно был прекрасен, с неожиданной завистью подметил Иванушка. Даже глубокие кровоточащие царапины от шипов колдовской флоры не могли испортить совершенной красоты его бледного благородного лица со следами перенесенных физических и нравственных мучений. И он так убивался по этой Оливии! Вот это пророчество! Вот это любовь!.. Как в «Приключениях лукоморских витязей», страницы с пятьсот третьей по семьсот пятую, где королевич Елисей...

Утром, едва встало солнце, ковер-самолет, кряхтя и охая под тяжестью трех человек, поднялся в воздух и направился к замку королей Крисаны,



который сверху теперь был похож на одну из живописных роц, в изобилии окружавших его прежде. За год, прошедший со времени печального события, колючки времени зря не теряли.

— Вон, вон! Видите, из кроны этого чудовищного репейника торчит башенка? Там была спальня принцессы Оливии! Садимся на балкон! — уже через десять минут Орландо заводил ковер на посадку.

— На балкон! — возопил ковер. — Да вы видите этот так называемый балкон?! Его носовым платком прикрыть можно! Куда, по вашему мнению, тут опускаться мне?!

— Ковер, милый, ну придумай что-нибудь!!! — взмолился принц. — Я должен попасть туда! Я обязан увидеть ее! Хотя бы раз обнять прекрасную Оливию — и умереть! Жизнь без нее пуста, как высохший колодец, как сердце палача, как...

Серого передернуло. Еще один поэт! Надо срочно что-то делать.

— Слушай, ковер, а, может, ты в воздухе повисишь, не опускаясь, пока мы на балкон спрыгнем, и подождешь нас?

— Подожду. Если кто-то один на мне останется. Иначе не могу. Так устроен. Извиняйте.

— Ладушки, — согласился Серый. — Тогда я...

Но поймав на себе умоляющий взгляд Иванушки, закончил:

— ...останусь. Целуйтесь там без меня.

— О, Иван, Сергей — я до гроба буду вашим должником — вы возвращаете мне жизнь! — воспрянул Орландо, и надежда с новой силой вспыхнула в его взоре. — Любовь моя, я иду к тебе! Оливия!

И наследники престолов исчезли в дверях.

Сергей остался один, растянулся на ковре, подложив под голову мешок с продуктами, закинул ногу на ногу и стал ждать.

«Минут десять-двадцать... нет, пусть тридцать, у них уйдет на поиски принцессы. Минут пять на целование. Часа полтора — на восторги и объятия по случаю счастливого пробуждения. Надеюсь, что кто-то при этом не забудет отдать приказ вырубить весь это чертополох внизу и начать готовить праздничный пир. А то придется вмешаться. За год скоропортящиеся припасы, скорее всего, уже приказали долго жить, но, принимая во внимание, что птица и всякая прочая живность засыпала вместе со всеми, все равно есть шанс неплохо подкрепиться перед дальней дорогой. С Ивановой кухни ноги протянешь, если прежде не загнешься от его проповедей... Тоже мне... Ум, честь и совесть... Нашелся на мою голову... Принципиальный... А хорошо бы, умей тут

готовить расстегаи рыбные... Или гуся с гречневой кашей... Так ведь гречки у них здесь днем с огнем не сыскать. Что поделаешь — дикие люди... А пирожки с капустой и грибами тоже бы сейчас лишними не оказались. Или, например, бананы в шоколаде...» — захлебнулся слюной Волк и полез в мешок за хлебом.

Утром, едва продрав глаза, спасательная команда вылетела к замку, даже воды не испив — Иван так горел энтузиазмом, что и думать больше не о чем не хотел, а самому Серому стенания безутешного Орландо отбивали весь аппетит. И он уже почти не сомневался, что влюбленный принц не по своей воле покинул родные пенаты, а домочадцы, вылив ему на голову переполнившуюся чашу терпения, выставили его за ворота, заявив, что или они — или эта дурацкая принцесса...

Умяв полбуханки и пожалев, что воды у них оставалось так мало,<sup>2</sup> отрок Сергей перевернулся на левый бок и постарался вздремнуть. Ведь предыдущей ночью вздохи соланского принца лишили его не только аппетита, но и сна.

Но ему не удалось даже прикрыть глаза.

«Блямс!» — осыпалось где-то совсем рядом стекло. И то ли послышалось, то ли почудилось:

---

<sup>2</sup> «Придет царевич, захочет попить, а ему не хватит».

— Сер...гий...

То ли шепот, то ли стон.

Волка как пружиной подбросило:

— Иван?... Иван!.. Иван...

Там, внизу, на балконе, на куче битого стекла, лежал, вздрагивая, Иванушка, и глаза его были закрыты.

Как он вытащил царевича с балкона, умудрившись не покинуть полностью ковер, Серый так потом понять и не смог, хотя в тихие часы перед сном иногда и пытался восстановить эти события в памяти. Сумел он вспомнить только, как крикнул ковро «Погнали отсюда!», свист солнечного ветра в ушах, да недвижимое тело царевича на руках.

Картина пронзительной трагичности, если бы не храп.

— Чтоб тебе пусто было, Иван-царевич! Проснись! Проснись же! А ну, проснись, тебе говорят!!! — Волк изо всех сил мял, тряс и тормошил Ивана, но тот и глаз не моргнул.

— Ты что, разыгрывать меня вздумал? Да, Иванушка? Ха-ха, я попался. Иван, вставай! Я тебе поверил! Да вставай же! Что же это с ним... Что у них там случилось? Иван! Дурацкие твои шутки! Ну сейчас ты у меня вскочишь... Королевич Елисей — болван, придурок, валенок лукоморский! Иван!..

Спит... Ах, чтоб провалился этот Орландо со своей фифой... Не хотел ведь я тебя туда пускать... Как чуял ведь...

— Куда летим-то, достопочтенный? — не выдержал ковер. — Определитесь сразу, а то потом ведь порешите, что не туда летели, а кому в такую даль везти вас обратно, а? Мне ведь уже не триста лет, не половичок уж, поди.

— Чево? — недопонял Серый, некстати отвлеченный от своих горестных мыслей.

— Садитесь где будем, говорю!

— Там, — раздраженно ткнул пальцем себе под ноги Волк. — Хоть где. Найди какое-нибудь ровное место и сядь. Привязался на мою голову!

— Ах, привязался... Ну хорошо, — пробормотал ковер и сделал все, как ему было сказано — быстро нашел превосходно ровную поляну и сел.

Не остановило его даже присутствие на месте посадки маленькой избушки.

Хлоп. Бух. Шмяк.

— Хррр...

— Ах ты тряпкин сын!!!

Серый вскочил, яростно вращая глазами и потирая отбитый бок.

С двускатной крыши, откуда они только что и скатились, как черкасское седло со спины тощей коровы, свисал их ковер. И если бы Серый мог

поверить в это, он бы сказал, что тот удовлетворенно ухмылялся.

— Ну я тебе еще покажу, одеяло лоскутное! — и взмахнув многообещающе кулаком, перепрыгнул через поверженную трубу и помчался искать царевича.

Долго разыскивать того не пришлось. Он лежал у противоположной стены домика, под крошечным окошком, на маленькой аккуратненькой клумбочке, аккурат посредине, подложив ладошки под щеку, и чему-то счастливо улыбался во сне.

Не долго думая, Волк стукнул в стекло.

— Эй, дома есть кто?

Молчание было ему ответом.

— Эй, хозяйева! Не бойтесь! Это мы тут нечаянно!

От второго стука стекло, глухо хрупнув, сломалось.

— Еще лучше... — мрачно пробурчал Серый, осторожно вынимая осколки из рамы. — Теперь только стену повалить осталось — и... и...

Пальцы стали липкими.

Озадаченный разбойник оглядел их со всех сторон — крови, вроде, нет — и, на всякий случай, лизнул.

Барбарис? Дюшес?

Мятная!

Он лизнул еще. На этот раз — стекло.

Так и есть. Леденец. В мармеладной раме. С карамельным наличником. И стены — из пряников «Белочка» с паклей из сахарной ваты между коврижками. Траля — ляля — ляля. А я сошла с ума. Какая досада.

Серый изо всех сил зажмурился, потряс головой, снова раскрыл глаза — ничего, и даже хуже. Теперь на краю опушки показалась еще и маленькая старушка в черном.

«Шоколадная, наверно. С кокосовой начинкой,» — истерично хохотнул про себя Волк, последним отчаянным усилием протирая рукавами очи.

Не помогло.

— А вот и гости ко мне пожаловали, как с неба свалились, — улыбнулась старушка, и удивительно легко для ее возраста ступая, зашагала к путешественникам.

— Извините, пожалуйста, — беспомощно развел руками Серый. — Мы тут на ваш торт маленько упали...

— На моё... что?

«Старческая тугоухость», — мгновенно поставил диагноз Волк и проорал:

— МЫ ТУТ НА ВАШ ТОРТИК ПРИЗЕМЛИЛИСЬ НЕЧАЯННО!

— И незачем так кричать, молодой

человек, — обиженно заявила бабулька. — Во-первых, я не глухая, а во-вторых, это не мой тортик...

— А чей?

— ЭТО НЕ МОЙ ТОРТИК, ЭТО МОЙ ДОМ, К ВАШЕМУ СВЕДЕНИЮ!

— Ну все равно, по-моему, ничего серьезного тут не сломано, чего нельзя было бы поправить за месяц-два ремонта, — вежливо выразил надежду отрок Сергей.

— А что это такое там на крыше? Очень веселенькая расцветочка, конечно, но...

— Не волнуйтесь, сейчас всё исправим! — засуетился Серый и дернул ковер за свисающие почти до окошка кисти.

Раздалось шершавое «Ой!», и ковер с грохотом и остатком трубы обрушился на землю, прикрыв собой Ивана.

— Ой, — повторил за ковром Волк и развел руками. — Но не волнуйтесь, сейчас всё исправим!

— Не надо! — испуганно пискнула старушка. — Не надо. Я сама. Потом. Когда вас провожу.

— Уже уходим, — поспешил ее успокоить Серый. — Ну, Иванушка, раз-два-взяли! — и он, подхватив царевича под мышки, поволок его с клумбы, сея среди цукатных фиалок и желатиновой травы смерть и разрушение.



— Мои цветы! — отчаянно всплеснула руками бабулька. — Мои узамбарские фиалки! Из самого Узамбара!.. А что это с вашим другом, молодой человек? Он умер?

— Умер?! — Серый в панике заглянул Иванушке в лицо. — Да нет же... Почему вы так решили?

— Да потому, что с больными и ранеными так не обращаются, а спящий... спящий...

— Что — «спящий»? — впился глазами в лицо старушки Волк. — Что — «спящий»? Что вы хотели сказать? Вы что-то знаете?

— Извините, что я вмешиваюсь, конечно, молодой человек, но ваш друг, случайно, не принц?

— Ну вроде того... Он царевич. А что?

— Тогда все понятно. Он хотел поцеловать принцессу Оливию, не так ли?

Мысль о том, чтобы Иван захотел кого-либо поцеловать, кроме своего коня, Волка изрядно развеселила.

— Нет. Он не хотел ее поцеловать. Точнее, это не он хотел ее поцеловать. Он про нее только вчера вечером первый раз услышал.

— Значит, это вы хотели? — не прекращала расспросы хозяйка.

— Не было печали! — сплюнул Серый.

— Молодой человек, в обществе незнакомых пожилых дам воспитанные молодые люди не

должны плевать, — осуждающе покачала головой старушка.

— Так в чем же дело! Давайте познакомимся! — встрепенулся Волк. — Меня зовут Сергей, прозвание мое Волк, а призвание — бродяга. Но друзья называют меня просто сэръ Вульф. А это — царевич Иван Лукоморский, и этим все сказано, — и он сделал что-то среднее между реверансом и книксеном в лучших традициях мюхенвальдского двора.

Старушка то ли неодобрительно поджала губы, то ли попыталась скрыть улыбку.

— Меня зовут мадам Баунти, друзья называют меня тетушкой, а по призванию я — фея.

В мозгу Серого при этом слове тут же звякнул тревожный колокольчик, и разбойник подозрительно покосился на новую знакомую.

— Это какая фея? Одна из тех еще, поди?

— Одна из каких? — так же подозрительно прищурила левый глаз тетушка Баунти.

— Из тех. Которые эти. Да, поди еще, та, — пояснил Волк.

— Из тех, которые эти, какие те? — уточнила фея.

— Не те, которые те, а те, которые эти, — любезно разъяснил Сергей.

— Те, которые эти, не могут быть этими, особенно из тех.

— Из тех эти как раз те.

— Как вы могли такое подумать!

— А что? — смутился Волк. — Когда тут такое рассказывают...

— От кого вы вообще услышали эту историю?

— От пострадавшего, конечно. От принца Орландо.

— Орландо? Бедняжка... Я надеюсь, ему уже лучше.

— По-моему, ему уже никак.

— То есть как — никак? — снова недопоняла фея.

— То есть никак никак. Последний раз я его видел, когда он пытался добраться до своей принцессы.

— Ну после этого я его вынесла из заколдованного леса живого, хотя и не совсем здорового. Никогда бы не подумала, что он пойдет так далеко. Очень настойчивый молодой человек, этот Орландо.

— Из леса? Как он там оказался? Они же с Иваном залезли на самый верхний балкон самой высокой башни. Что он делал в лесу-то?

— С Иваном? Балкон? Башня? Юноша, что вы говорите — какой Иван, какой балкон — это было вчера — у меня не склероз еще — и он был один и полез в заколдованный лес, чтобы попасть в замок, а не наоборот!